

A detailed illustration of a fantastical city built on a floating island. The city features a mix of medieval-style houses with blue roofs and a towering, complex cathedral with many spires and glowing windows. The island is surrounded by a sea of clouds, and a bright comet streaks across the dark, starry sky in the background. The scene is lit with a warm, golden light from the setting or rising sun, creating a magical atmosphere.

Александр Восьмой

**Город на хвосте
кометы**

Александр Восьмой

Город на хвосте кометы

«Автор»

2026

Восьмой А.

Город на хвосте кометы / А. Восьмой — «Автор», 2026

Город на хвосте кометы. Целый город, построенный на гигантском космическом объекте, мчится сквозь галактику, оставляя за собой разрушения. Его жители верят, что комета — их судьба, но молодой инженер обнаруживает, что траектория ведёт прямо в сердце сверхмассивной чёрной дыры. Атмосферная история о надежде, отчаянии и попытке изменить курс целой цивилизации.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Город на хвосте кометы

Глава 1. «Шёпот хвоста»

Рассвет над Городом на хвосте кометы всегда был не просто рассветом — это был шторм из света и пыли, который накрывал улицы, словно дыхание самой вселенной. Комета мчалась сквозь звёздные поля, её хвост стелился за ней, будто шлейф из разорванных снов, переливаясь всеми оттенками алого, фиолетового и золотого. Каждый рассвет здесь был одновременно и праздником, и предупреждением: город летел, не зная куда, оставляя за собой разрушения и новые легенды.

Кайто стоял на краю смотровой площадки, крепко сжимая в руках планшет с навигационными данными. Его пальцы слегка дрожали — не от холода, а от того, что цифры на экране отказывались укладываться в привычную картину мира. Траектория кометы отклонялась. Совсем немного — на доли градуса, почти незаметно. Но для инженера, который знал, как малейшее смещение может обернуться катастрофой, это было равносильно крику в тишине.

На площади внизу кипел Фестиваль Света. Люди смеялись, запускали в небо бумажные фонари, которые тут же подхватывал космический ветер и уносил в хвост кометы. Для них этот праздник был подтверждением их веры: комета — их судьба, их дом, их путь. Они верили, что каждый миг полёта — это благословение, а не риск.

Но Кайто чувствовал иначе. Под ногами едва заметно вибрировала сама основа города — тонкий слой укрепленного металла и композитов, едва сдерживающий дикую энергию космического объекта. Эта вибрация была не ритмом праздника, а шёпотом хвоста кометы, который шептал: «Осторожно. Мы летим слишком быстро. Мы летим не туда».

Он спустился по винтовой лестнице, пробираясь сквозь толпу, где каждый взгляд был полон беззаботной радости, а каждый смех звучал как вызов его тревогам. В конце концов, он нашёл старого навигатора Делро в его крошечной мастерской, заваленной картами, схемами и древними приборами, которые, казалось, помнили ещё первые дни Города.

Делро сидел у окна, разглядывая звёзды через треснувшую линзу старого телескопа. Его седые волосы слегка шевелились от сквозняка, а на лице застыло выражение спокойной усталости человека, который видел слишком много рассветов и слишком много закатов.

— Делро, — голос Кайто прозвучал чуть громче, чем он хотел, выдавая его волнение. — Траектория... она отклоняется. Совсем немного, но... я проверил трижды.

Старый навигатор медленно опустил телескоп и посмотрел на Кайто долгим, внимательным взглядом, в котором не было ни удивления, ни страха — только глубокая, почти печальная мудрость.

— Я знаю, — тихо произнёс он.

Эти два слова прозвучали в тесной мастерской как раскат грома. Кайто замер, не веря своим ушам.

— Ты знаешь? — переспросил он, чувствуя, как внутри всё сжимается от смеси облегчения и ужаса. — Тогда почему... почему никто ничего не делает?

Делро вздохнул и жестом пригласил Кайто сесть напротив.

— Потому что, мальчик мой, для этого города вера важнее цифр. Мы построили наш дом на комете, потому что верили, что она приведёт нас к чему-то великому. Если мы скажем людям, что наш путь ведёт в бездну, мы разрушим не только их веру, но и саму основу нашего существования.

— Но это не вера, — возразил Кайто, сжимая кулаки. — Это слепота. Мы летим прямо к сверхмассивной чёрной дыре. Если мы не скорректируем курс сейчас, через несколько циклов будет уже поздно.

Делро покачал головой, его взгляд стал твёрже.

— Мы не меняем курс. Мы следуем за судьбой. Так было всегда, так будет и впредь.

— А если судьба — это не благословение, а ловушка? — прошептал Кайто, и в этот момент вибрация под ногами стала чуть сильнее, словно сама комета прислушивалась к их разговору.

Старый навигатор помолчал, потом тихо произнёс:

— Тогда, возможно, судьба — это тот, кто осмелится её изменить. Но не сегодня. Сегодня у нас Фестиваль Света, и люди должны верить, что всё хорошо.

Кайто вышел из мастерской с тяжёлым сердцем. На площади фонари всё так же взмывали в небо, растворяясь в сиянии хвоста кометы. Люди улыбались, обнимались, пели песни о великих путешествиях и чудесных открытиях. А Кайто смотрел на звёзды и понимал: он единственный, кто видит, как близко подкралась тьма.

Он остановился у края площадки, где ветер был особенно сильным, и поднял взгляд к бескрайнему космосу. Где-то там, среди мерцающих точек, пряталась чёрная дыра — тихая, безжалостная, неизбежная. И теперь он знал: чтобы спасти город, ему придётся сделать то, что никто до него не решался — бросить вызов самой судьбе.

В этот момент лёгкий порыв космического ветра подхватил его волосы и прошептал что-то неразборчивое — то ли предупреждение, то ли обещание. Кайто сжал планшет крепче и прошептал в пустоту:

— Я не позволю нам исчезнуть.

И с этими словами он повернулся и пошёл прочь от праздника, туда, где в тени металлических конструкций прятались забытые ангары, старые двигатели и надежда на невозможное.

Глава 2. «Тени на картах»

Путь к закрытому архиву навигационной башни был выстроен так, чтобы отпугивать любопытных: узкие коридоры с низким потолком, где воздух пах озоном и старой пылью, лестницы, ступени которых отзывались на каждый шаг глухим металлическим эхом, и двери, запираемые не только замками, но и вековой привычкой людей не соваться туда, где хранятся неудобные тайны.

Кайто двигался быстро, но осторожно, будто сам воздух здесь был хрупким, как стекло. В руке он сжимал старый пропуск — потрёпанную карточку с выцветшим кодом, которую ему когда-то тайком передал Делро. «Если когда-нибудь тебе понадобится правда, а не красивые слова, — сказал тогда старик, — иди в архив. Но помни: правда не всегда хочет, чтобы её находили».

Двери архива распахнулись с протяжным скрипом, будто нехотя пропуская его внутрь. Пространство оказалось огромным, но казалось сжатым из-за бесконечных стеллажей, уходящих в темноту под самым потолком. На полках лежали рулоны звёздных карт, катушки с записями, стеклянные боксы с кристаллами памяти. Пыль оседала на всём этом, как слой времени, который никто не хотел сметать.

Он начал с навигационных журналов столетней давности — тех, что фиксировали малейшие отклонения курса. Пальцы скользили по страницам, покрытым тонким слоем серебристой пыли, которая прилипала к коже, словно звёздная сажа. И вот оно — небольшое, почти незаметное отклонение, зафиксированное ровно сто лет назад. И рядом пометка, сделанная дрожащей рукой: «Курс не корректировался. Решение Совета: следовать судьбе».

Кайто замер, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Это было не просто совпадение. Это был прецедент. Кто-то уже знал, что комета отклоняется, и сознательно ничего не сделал.

В этот момент из темноты коридора раздался тихий, но твёрдый голос:

— Ты не должен быть здесь.

Кайто резко обернулся. Из полумрака выступила фигура в тёмно-синей форме с эмблемой главного инженерного корпуса. Лина. Дочь главного инженера. Её взгляд был острым, как лезвие, а поза — напряжённой, будто она готова была в любой момент либо схватить его, либо убежать.

— Лина... — выдохнул он, пытаясь собраться с мыслями. — Я искал...

— Я знаю, что ты искал, — перебила она, шагнув ближе. — Ты ищешь повод нарушить порядок. Повод сказать, что наша судьба — это не благословение, а ошибка.

— Это не повод, — возразил он, чувствуя, как внутри закипает смесь отчаяния и решимости. — Это факт. Смотри.

Он протянул ей страницу с записью столетней давности. Лина взяла её осторожно, будто боялась, что бумага рассыплётся от одного прикосновения. Её пальцы дрогнули, когда она увидела пометку.

— Это ничего не значит, — прошептала она, но в голосе уже не было прежней уверенности. — Тогда были другие времена. Другие решения.

— Решения, которые мы повторяем, — настаивал Кайто. — Мы снова летим к той же точке. Снова игнорируем цифры. Только теперь у нас почти не осталось времени.

Лина сжала страницу в кулаке, и на мгновение Кайто показалось, что она разорвёт её, уничтожит доказательство, чтобы вернуть себе спокойствие. Но вместо этого она опустила руку и тихо спросила:

— Что ты собираешься делать?

— Найти способ скорректировать курс, — ответил он без колебаний. — Даже если для этого придётся пойти против всего Совета.

Она покачала головой, но уже не так уверенно.

— Мой отец никогда этого не допустит. Для него традиции — это основа всего. Если ты попытаешься что-то изменить, тебя объявят предателем.

— А если я не попытаюсь, — тихо произнёс Кайто, — то предателем станет сама наша судьба.

Они стояли друг напротив друга в полумраке архива, и между ними витало напряжение, похожее на электрический разряд перед грозой. И вдруг Лина сделала шаг вперёд, не к нему, а к стеллажу, и сняла с полки старый кристалл памяти.

— Здесь хранятся фрагменты данных, которые давно считаются утерянными, — сказала она, не глядя на него. — Мой отец говорил, что они повреждены. Но я всегда думала... что он просто не хотел, чтобы кто-то их видел.

Кайто почувствовал, как сердце забилось быстрее.

— Мы можем попробовать восстановить их, — предложил он. — У меня есть доступ к резервному декодеру в нижнем ангаре.

Лина помолчала, будто взвешивая каждое слово, каждую возможную цену этого выбора. Потом кивнула:

— Хорошо. Но если мы найдём то, чего не должны были найти... пути назад не будет.

Они работали в тишине, нарушаемой только тихим гулом декодера и потрескиванием восстанавливаемых данных. Кристалл мерцал тусклым светом, словно сопротивлялся тому, чтобы раскрыть свои секреты. И постепенно на экране начали появляться фрагменты: координаты, траектории, расчёты. И среди них — одна запись, от которой у Кайто перехватило дыхание: «Прогнозируемое сближение с гравитационной аномалией. Вероятность попадания в горизонт событий — 98 %».

Лина побледнела, глядя на эти цифры.

— Чёрная дыра, — прошептала она. — Мы летим прямо в неё.

Кайто кивнул, чувствуя, как тяжесть осознания ложится на плечи.

— Да, — тихо ответил он. — И если мы ничего не сделаем, через несколько циклов город исчезнет. Без следа. Без памяти.

Лина подняла на него глаза, в которых боролись страх, гнев и решимость.

— Тогда мы должны что-то сделать, — проговорила она твёрдо. — Даже если это будет стоить нам всего.

Они собрали данные, спрятали копии в надёжные носители и покинули архив, когда первые лучи нового рассвета начали пробиваться сквозь иллюминаторы башни, окрашивая пыль в золотистый цвет. Но теперь этот свет казался не благословением, а предупреждением.

На выходе из башни Кайто остановился и посмотрел на небо, где звёзды мерцали, словно холодные глаза вселенной, наблюдающие за их маленьким городом.

— Мы не позволим судьбе решать за нас, — прошептал он.

Лина встала рядом, сжимая в руке носитель с данными.

— Нет, — ответила она. — Теперь мы сами станем своей судьбой.

И они пошли вперёд — не как враги, не как случайные союзники, а как те, кто решился бросить вызов самой бездне.

Глава 3. «Голос бездны»

Ночь в нижних уровнях Города на хвосте кометы была совсем не такой, как наверху. Там, где кипел Фестиваль Света и фонари растворялись в сиянии хвоста, здесь царили тишина и холод, будто сама пустота просачивалась сквозь трещины в обшивке. Гравитация здесь вела себя капризно: то прижимала к полу тяжёлым невидимым плащом, то вдруг отпускала, заставляя на мгновение зависнуть в воздухе, прежде чем снова вернуть на землю.

Кайто и Лина спускались по ржавым техническим лестницам, держась за поручни так крепко, что пальцы белели. Свет их фонарей выхватывал из темноты лишь узкие полосы пространства — и этого было достаточно, чтобы увидеть, как стены испещрены странными узорами: спиралями, концентрическими кругами, линиями, похожими на застывшие волны. Это были следы прошлых ударов о космическую пыль и мелкие астероиды — шрамы, оставленные кометой на собственной коже.

— Здесь всегда было так... неуютно, — тихо произнесла Лина, словно боялась, что звук её голоса может разбудить что-то спящее в глубине корабля.

— Не неуютно, — поправил Кайто, прислушиваясь к эху собственных шагов. — А честно. Здесь нет иллюзий. Только металл, гравитация и правда, которую никто не хочет слышать.

Они добрались до заброшенной обсерватории — маленького купола, наполовину вросшего в структуру кометы. Когда-то отсюда вели наблюдения за звёздами, но потом, когда Город разросся, обсерваторию забросили: она стала слишком опасной из-за нестабильной гравитации и близости к «краевой зоне» — месту, где комета сильнее всего взаимодействовала с окружающим пространством.

Внутри пахло озоном и чем-то горьким, похожим на запах перегретого металла. Купол был покрыт трещинами, сквозь которые проглядывали звёзды — не яркие и дружелюбные, а острые, холодные, будто осколки стекла. Кайто включил портативный сканер и несколько резервных приборов, которые они прихватили с собой. Лина тем временем подключила старый приёмник, найденный в одном из шкафов — устройство, давно снятое с эксплуатации, но всё ещё способное улавливать слабые сигналы.

Сначала приборы молчали. Только тихий гул, потрескивание помех и редкие всплески космического шума. Но потом... что-то изменилось.

Сканер дёрнулся, стрелка резко метнулась к красной зоне. На экране вспыхнули хаотичные графики, линии ломались и перестраивались, будто сами законы физики на мгновение дали трещину. А затем из приёмника раздался звук.

Это не был голос. Не был крик. Это был ритм — низкий, вибрирующий, проникающий под кожу и заставляющий сердце биться в такт. Он напоминал удары огромного сердца, но без жизни — холодное, механическое биение, будто сама бездна отсчитывала секунды до неизбежного. Ритм был нечеловеческим, чуждым, и в то же время до ужаса знакомым — как будто каждый из них слышал его во сне, но никогда не мог вспомнить.

Лина побледнела, глядя на приборы, которые сходили с ума.

— Что это? — прошептала она, и голос её дрогнул.

— Это... сигнал, — ответил Кайто, сам не веря своим словам. — Или, точнее, эхо. Это голос чёрной дыры.

Он быстро начал считывать данные. Частота, амплитуда, направление сигнала — всё указывало на одну точку в космосе, к которой они стремительно приближались. Комета не просто летела по инерции. Её притягивала невидимая сила — гравитационный колодец, который становился всё глубже и шире с каждым циклом.

— Получается, мы не следуем судьбе, — проговорила Лина, глядя в темноту купола, где звёзды казались всё ближе и холоднее. — Мы... падаем.

Кайто кивнул, чувствуя, как тяжесть осознания давит сильнее, чем капризная гравитация нижних уровней.

— Да, — тихо ответил он. — Комета летит не потому, что так было задумано. Её тянет туда. И чем ближе мы подходим, тем сильнее притяжение. Скоро мы уже не сможем изменить курс.

Лина сжала кулаки, будто пыталась удержать в себе страх, не дать ему вырваться наружу.

— Но ведь... ведь люди верят, — прошептала она. — Они верят, что комета — это благословение. Что она ведёт нас к чему-то великому.

— А может быть, великое — это не то, что ждёт нас впереди, — возразил Кайто, глядя ей прямо в глаза. — Может быть, великое — это то, что мы сделаем, чтобы не упасть в эту бездну.

В этот момент звук из приёмника изменился. Ритм стал быстрее, настойчивее, словно бездна чувствовала их присутствие и требовала своего. Приборы замигали тревожными огнями, линии на экранах превратились в хаотичные всплески.

— Нам нужно уходить, — резко сказала Лина, срывая с пояса фонарь и направляя свет к выходу. — Пока мы ещё можем.

Но Кайто не двигался. Он смотрел на данные, на графики, на координаты, которые теперь складывались в пугающе чёткую картину.

— Нет, — проговорил он твёрдо. — Мы заберём эти данные. Мы покажем их Совету. Пусть они видят, что это не судьба. Это ловушка.

Лина замерла, и в её глазах отразилась борьба: между долгом, верой и правдой, которую она больше не могла отрицать.

— Хорошо, — наконец произнесла она, голос её стал твёрже. — Тогда давай сделаем так, чтобы эти данные нельзя было игнорировать.

Они быстро скопировали все записи, спрятали носители в защитные кейсы и двинулись к выходу. По пути Лина остановилась у одной из стен, где узор из трещин складывался в странную спираль — словно отпечаток того самого ритма, который они только что слышали.

— Раньше я думала, что эти узоры — просто следы ударов, — тихо сказала она. — А теперь... мне кажется, что это послание. Предупреждение, которое мы не умели читать.

Кайто положил руку на холодную поверхность стены, чувствуя, как вибрация проходит сквозь пальцы.

— Теперь мы научились, — прошептал он. — И мы не позволим этому городу исчезнуть.

Когда они выбрались из нижних уровней и поднялись выше, где воздух был теплее, а гравитация — привычной, ночь уже подходила к концу. На горизонте небо начинало светлеть,

окрашивая хвост кометы в нежные розовые и золотые тона. Но теперь этот рассвет не казался благословением. Он был похож на последний спокойный миг перед бурей.

Лина остановилась, глядя на первые лучи света, и тихо произнесла:

— Если судьба — это приговор... то мы станем теми, кто его отменит.

Кайто улыбнулся — не радостно, а с той решимостью, которая рождается только перед лицом невозможного.

— Именно так, — ответил он. — Мы не просто изменим курс. Мы перепишем судьбу.

И они пошли вперёд, навстречу новому дню, зная, что впереди их ждёт не просто борьба с космосом — а битва за право на будущее целого города.

Глава 4. «Совет тех, кто не хочет слышать»

Зал Совета Инженеров всегда внушал трепет — не роскошью, а тяжестью веков, застывшей в каждом элементе интерьера. Высокие своды уходили в полумрак, будто пряча от глаз невидимые трещины в самой идее этого города. Массивные столы из тёмного металла были испещрены гравировками — именами тех, кто когда-то принимал решения, менявшие курс кометы. Сейчас за ними сидели старейшины: их лица были спокойны, но в глазах читалась усталость людей, привыкших нести груз ответственности и не терпевших сомнений в своих устоях.

Кайто стоял у трибуны, чувствуя, как холод металла пробирается сквозь тонкую ткань рукава. В руках он сжимал планшет, на экране которого пульсировала симуляция — та самая, что должна была стать его главным аргументом. Рядом с ним, чуть позади, стояла Лина. Её поза была сдержанной, но в напряжённых плечах и сжатых пальцах угадывалась внутренняя буря: она шла против воли отца, и это давалось ей нелегко.

Главный инженер Арден, отец Лины, сидел во главе стола. Его лицо было непроницаемым, словно высеченным из камня. Он не смотрел на Кайто — только на стол, где лежали протоколы и отчёты, проверенные и одобренные годами традиций.

— Ты просишь нас пересмотреть курс, — произнёс Арден ровным, холодным голосом, в котором не было ни гнева, ни интереса — только ледяная уверенность в собственной правоте. — Ты просишь нас поставить под сомнение то, на чём держится наш город.

— Я прошу вас посмотреть на факты, — ответил Кайто, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, а не отчаянно. — Вот данные из архива. Вот расшифровка сигнала, который мы поймали в нижних уровнях. А вот симуляция, показывающая, куда мы летим.

Он активировал проектор. На стене зала вспыхнула трёхмерная модель космоса: мерцающая точка — их город на хвосте кометы — скользила по дуге, которая неумолимо вела к тёмному сгустку, окружённому искажённым светом. Чёрная дыра. Её гравитационный колодец тянул комету, как невидимая рука, сжимающаяся всё крепче.

Старейшины замерли. Кто-то наклонился вперёд, вглядываясь в линии траектории. Кто-то отвёл взгляд, будто боялся увидеть то, что нельзя будет развидеть.

— Это ошибка моделирования, — резко произнёс один из старейшин, седой инженер с жёсткими чертами лица. — Такие симуляции часто дают ложные результаты из-за помех в датчиках.

— Датчики проверены трижды, — спокойно ответил Кайто. — Мы использовали резервные системы, дублировали измерения, сравнили с архивными данными столетней давности. Отклонение есть. И оно нарастает.

Арден наконец поднял глаза. Его взгляд скользнул по дочери, задержался на мгновение, а затем вернулся к Кайто.

— Город держится на вере, — произнёс он, и каждое слово звучало как приговор. — На вере в то, что комета — наша судьба, наш путь, наше предназначение. Если мы скажем

людям, что летим к гибели, мы разрушим не только их спокойствие, но и саму основу нашего существования.

— Но если мы ничего не сделаем, — возразил Кайто, чувствуя, как внутри поднимается волна отчаяния, смешанного с яростью, — мы не просто разрушим веру. Мы уничтожим сам город. Через несколько циклов коррекция станет невозможной. Мы просто не успеем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.